

УДК 378.1.

© Э. О. Леонтьева, Т. А. Лидзарь, Е. Н. Фетисова, 2009

КОРРУПЦИЯ В СТРУКТУРЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Леонтьева Э. О. – канд. филос. наук, доц. кафедры «Философия и культурология», тел.: (4212) 22-43-94, e-mail: mark@mail.27.ru; *Лидзарь Т. А.* – канд. филос. наук, доц. кафедры «Философия и культурология», тел.: (4212) 22-43-94, e-mail: lidzar@mail.27.ru; *Фетисова Е. Н.* – канд. филос. наук, доц. кафедры «Философия и культурология», тел.: (4212) 22-43-94, e-mail: alice@mail.27.ru (ТОГУ)

Существующие исследования по коррупции в образовании не уделяют достаточного внимания вопросам теории, но накопленный эмпирический материал требует объяснения. В статье предпринимается попытка обоснования теоретической модели взаимодействия агентов в пространстве неформальных отношений современного российского вуза и показывается место коррупции в нём. Предлагается объяснение коррупции в вузе как продолжения неформальных отношений на рыночной основе. Для обоснования теоретических положений работы привлекаются данные эмпирических исследований, собранные авторами по вузам г. Хабаровска.

Modern researches on corruption in education do not give sufficient attention to the theory, but the gathered empirical material requires some explanation. The authors try to substantiate the theoretical model of agents' interactions in space of informal relations of a modern Russian higher educational institution, and show the place of corruption in it. Corruption is explained as continuation of informal relations on a market base. To substantiate the theoretical theses of the article the data of empirical researches, gathered by the authors in Khabarovsk universities, are used.

Ключевые слова: неформальные отношения, неформальное пространство, коррупция, ВУЗ, высшее образование, рациональность.

Постановка проблемы и описание общего контекста работы

За последние годы на исследования по коррупции в образовании обрушилась невиданная популярность, которая позволяет говорить, если не о сложившейся, то, по крайней мере, намечающейся в этой области традиции. Подтверждением этому может служить появление первых исследовательских обзоров и попыток систематизации подходов к проблеме [1, 2], которые

радуют своей профессиональностью, аналитическим настроем и глубоким знанием степени изученности проблемы. Как хорошо показано в этих обзорах, интерес к теме носит ярко выраженный, но вместе с тем весьма специфический характер. При активно проводимых эмпирических исследованиях и большом массиве накопленной информации количественного и оценочного характера теоретические исследования и всё, что относится к фундаментальным концептуальным построениям, поражают своей крайней скудностью, если не полным отсутствием. В этой работе мы рассмотрим возможные горизонты развития темы в теоретическом ключе, исходя из тех концепций, которые сложились в современных исследованиях по общей теории коррупции и наметим возможности адаптации этих моделей для образования.

Как уже было сказано, исследования по коррупции в образовании при всей их популярности, не выходят за пределы решения прикладных задач. Даже простое перечисление всех проведённых за последнее время эмпирических исследований по коррупции в образовании заняло бы не одну страницу текста. Это исследования качественные [3] и количественные [4, 5], российские и зарубежные. На основе собранного материала пишутся обзорные и комментаторские работы, в результате чего мы имеем доступ к очень важной информации о размерах и масштабах коррупции на разных звеньях образовательного процесса, о спросе на неё, о динамике этого рынка за последние годы, о коррупционных рисках и ожиданиях населения и многое другое. Мы знаем о коррупции в образовании много, но, несмотря на это, не имеем возможности *понять* это явление, потому что на данный момент отсутствуют теории, в которых бы *объяснялось* поведение агентов этого рынка. Складывающаяся ситуация является типичным случаем многознания, которое, как известно, уму не научает, но наилучшим образом демонстрирует бессилие и бесполезность эмпирии, не нагруженной теоретически.

Здесь следует сделать одно важное замечание. Под отсутствием теории в данном случае мы будем понимать то, что все, существующие на сегодняшний день концепции и модели, созданные для объяснения коррупции как *универсального* явления (а их, как раз, довольно много), не подходят для сферы образования, а попытки построить модель, ориентированную специально на образование, не предпринимались. Между тем мы полагаем, что явление коррупции в образовании специфично во всех отношениях и не может быть адекватно объяснено исходя из общих теорий «коррупции в целом». Например, самые известные из существующих моделей – принципал-агентская модель Г. Сатарова [6] и модель чиновничьей ренты Shleifer & Vishny [7] в основу объяснения закладывают рациональные принципы поведения чиновников, т. е. они ориентированы на бюрократию и учитывают в своих построениях наличие цепочки иерархически подчинённых, связанных круговой порукой отношений. Очевидно даже без специального изучения, что к вузу это имеет косвенное отношение и может быть применимо только в контексте анализа той вузовской жизни, которая не связана с образовательным процессом. Но именно образовательный процесс является смыслоорганизующей и одновре-

менно специфической характеристикой вуза, и мы вынуждены констатировать факт разрыва между теорией и эмпирией в первую очередь на уровне анализа именно этого звена.

Аналогичная ситуация складывается и в зарубежных исследованиях этой темы, интерес к которой за последние годы также заметно вырос. Эти исследования условно делятся на страновые [8] и межстрановые, отличающиеся локальной спецификой. В последнее время также стали появляться работы, основанные на сравнении данных по разным странам [2], но и они не выходят за рамки решения частных прикладных задач.

Возможности развития существующих теорий коррупции применительно к образованию.

Таким образом, мы констатировали отсутствие адекватной теории, объясняющей коррупцию в вузе. Тем не менее, сложившаяся ситуация интенсивности проводимых эмпирических исследований позволяет надеяться, что поворот в сторону теоретизирования должен произойти уже в ближайшем будущем. Рассмотрим возможные варианты развития исследований в этом направлении. Тут возможны 2 пути. Первый – это адаптация уже упоминавшихся теорий коррупции к описанию сферы образования. Второй – создание абсолютно новых моделей, в которые изначально закладываются специфические для образования предпосылки. Вторым путем нам представляется более результативным, но пока ещё слишком далёким от реальности, первый более простым, поэтому обратимся сначала к нему.

Для примера возьмём хорошо известную принципал-агентскую модель Г. Сатарова [6]. В нескольких тезисах напомним структуру этой модели. Она включает в себя роли принципала, агента, агентов контроля и клиента. Модель работает примерно следующим образом. Некий наделённый властью и ресурсами центр (принципал) ставит задачу перед подчинённым ему агентом и выделяет на её решение часть ресурсов. Агент имеет возможность присвоить себе часть выделенных ресурсов, поэтому принципал вводит специального агента контроля, который знает об оппортунистическом поведении агента 1, но сам также является агентом. Кроме этой цепочки, в которой контролируемые агенты умножаются, существует ещё и внешняя сторона – клиент, который даёт взятку агенту. Далее рассматриваются возможные кооперации агентов между собой с учётом влияния на эти кооперации принципала и клиента. Особенностью этой модели является то, что в ней коррупция анализируется и как воровство, и как взяточничество, здесь учитывается вся система взаимных договорённостей между участниками, рассматривается целый ряд важнейших следствий. Нас интересует те из них, которые могут работать на объяснении коррупции в образовании.

Любая проекция общих теорий на частный случай, например, адаптация принципал-агентской модели к образованию, неизбежно выхолащивает из предпосылок самой теории специфику среды, для которой разрабатывается модель. И тогда с неизбежностью мы вынуждены будем деятельность преподавателя трактовать по аналогии с работой чиновника-агента, студента – как

клиента, руководство вуза как верховного принципала. Сомнительно, что такая аналогия будет релевантной, в подтверждение чему можно привести массу аргументов. Вузовская иерархия существенно отличается от бюрократической по ряду признаков, которые можно схематично свести к тому, что принципы вертикального подчинения здесь не являются абсолютными из-за существенного влияния академической среды на формирование иерархии. Также отличается взаимодействие агентов на уровне «преподаватель-студент» от отношений «чиновник - клиент». Скорее всего, из развития этой темы мог бы выйти ещё один интересный сюжет, не очень важный для целей нашей работы. Поэтому, продолжая утверждать, что существующие на сегодняшний день теории коррупции не подходят для образования в целом, обратим внимание на то, что для построения теории можно использовать не предлагаемую в них общую схему, а лежащую в её основе предпосылку. В этом смысле развитие «прежних» теорий можно рассмотреть совсем по-другому.

Особенностью концепции «принципал-агент» является то, что акцент, объясняющий сущность явления, переносится с уровня непосредственного взяточничества, определяемого взаимодействием «агент-клиент» на уровень коррупции – системного взаимодействия между агентами, в котором сложнопереплещаются роли агентов и принципалов. Самое главное, что показывает эта модель – сущность коррупции определяется не только и не столько личными ценностями и мотивами агентов, и совсем не взаимодействием агента с клиентом, который даёт ему взятку, а сложившимися между ними отношениями, системой взаимных договорённостей, круговой поруки и т. д. А это значит, что существует особая институциональная среда, в которой укоренена коррупция, и мы можем понять и объяснить её только с учётом анализа этой среды. Мы полагаем, что этот принцип можно адекватно перенести на исследование высшего образования и рассмотреть, какие конфигурации отношений между агентами в этой институциональной среде поддерживают коррупцию.

Предпосылки модели. Принимая во внимание укоренённость коррупции в отношениях между агентами, показанную в модели «принципал-агент», предположим, что коррупция в вузе укоренена аналогичным образом. Однако выше мы уже указывали на разницу вузовской и бюрократической иерархии, поэтому *предпосылка укоренённости коррупции будет в нашем случае дополняться не предпосылкой вертикальной иерархичности среды, а предпосылкой доминирования «горизонтальных» сетевых контактов между агентами в вузе.* Такая комбинация предпосылок позволяет учесть очень важный фактор, который упускают из внимания многие исследователи, обращающиеся к изучению коррупции в вузе – это влияние институциональной среды, в которой этот феномен проявляется. Ещё раз подчеркнём, что для нашей модели важно показать, каким образом коррупция в вузе встраивается в эту среду, какие структурные и содержательные элементы способствуют её укоренённости в вузе.

Первый уровень взаимодействий – естественные коммуникации. В качестве главной характеристики «горизонтальных» сетевых контактов» возьмём активность неформальных связей. Этот показатель может быть определён через учёт частоты и длительности общения между агентами вне сферы выполнения профессиональных задач. Такие контакты создаются естественным образом, поэтому будем считать, что они образуют пространство обычных коммуникаций. Это первый уровень неформального пространства. Он характеризуется отсутствием рациональных ожиданий от отношений со стороны агентов, поскольку участники взаимодействия изначально не закладывают их в цели своего общения, а вступают в контакт на основе личных симпатий и предпочтений. А поскольку нет рациональных ожиданий, то на этом уровне ещё не складываются условия для использования личных связей с целью решения служебных проблем. Здесь личное и профессиональное пространство существуют относительно автономно, сферы их интересов не пересекаются. Понимание неформального, принятое для этого уровня, поддерживает тот подход, согласно которому в сферу неформального попадает всё то в человеческих отношениях, что в принципе не подлежит формализации. Вот как об этом пишет С. Ю. Барсукова применительно к экономике: «Неформальное – единственно возможная форма существования формального. И всегда будут неформальные регуляторы поведения, невидимые иерархии и предпочтения, непроговариваемые правила, без которых реальная экономика не существует. Не говоря уже о том, что целые сегменты экономики не подлежат формализации по определению (например, домашняя экономика)» [9].

Второй уровень – использование личных связей для решения служебных проблем. Дальнейший тезис, который мы намерены развернуть, касается того, что последующее развитие личных отношений (в их тесной связи с профессиональными) приводит к использованию сложившихся контактов для решения служебных проблем. Начиная с этого момента и с этого уровня (назовём его вторым), постепенно складывается та институциональная среда, которая поддерживает коррупцию. Это ни в коем случае не означает, что для этого уровня взаимодействия коррупция *характерна*. Скорее, коррупция является одним из возможных следствий развития отношений на этом уровне. Говоря о поддерживающей среде, мы имеем в виду, что привлечение личных отношений для решения служебных проблем размывает границы этих сфер и создаёт возможность для агента манипулировать ими в свою пользу.

Рассмотрим типичные ситуации, в которых это проявляется. Все они взяты из опросов студентов, преподавателей и сотрудников, которые проводились в хабаровских вузах в 2006 – 2008 гг. Методом полужформализованного интервью было опрошено 35 работников 4 вузов г. Хабаровска. Эти данные были дополнены анкетным опросом студентов этих же вузов, (2006 г. n=130; 2008 г. n=170) проведённым с использованием случайной выборки. Мы пытались выяснить, какие неформальные институты играют наиболее существенную роль в жизни вуза. Из интервью с преподавателями и сотрудниками

выяснилось, что наибольшей распространённостью пользуется правило *не отказывать в получении оценки студентам, за которых просит кто-либо из коллег*. В разном звучании это правило формулировалось по-разному. Одни респонденты говорили о том, что идут навстречу легко, другим это решение даётся непросто, третьи принимают компромиссный вариант и соглашаются на льготные условия приёма. И *никто* из опрошенных не сказал, что в ответ на просьбу обратившегося коллеги он ответил отказом. Вот как об этом говорят сами информанты.

*«Ну как, подходит родственник или знакомый. Ну, естественно, всякое бывает. Все же мы общаемся, у нас разный круг общения. Если у знакомых какие-нибудь там проблемы, конечно, подходят и решается вопрос, т. е. ставят оценку. Конечно, это не совсем правильно, но **близкому человеку не откажешь же...**» (мужчина, 28 лет, преподаватель, стаж 7 лет)*

*«Да, конечно, часто обращаются с просьбой помочь, потому что у всех есть друзья, родственники, знакомые. Если честно, **я всегда иду на уступки**. Например, когда ко мне подойдёт ребёнок, принесёт учебник, что-то прочитает, я ему что-нибудь перескажу, он послушает и я естественно, поставлю ему положительную оценку. Надо, чтобы и студент понимал, что он сдаёт, но если меня попросили, то **я никогда не откажу**» (женщина, 50 лет, доцент, стаж 30 лет)*

*«**Обычно я иду навстречу**, но в каком плане. Не так, что вот мне принесли зачётку, и я сразу же поставила оценку. Я говорю: пусть этот студент учит, приходит ко мне, и уже в процессе разговора я может быть, более лояльно как-то к нему отнесусь, но всё равно сдавать он будет» (женщина, 36 лет, доцент, стаж 12 лет)*

Отметим, что в данном случае речь идёт не только о тех контактах, которые складываются на базе уже существующих дружеских или родственных отношений, но и о тех, когда просьба об оценке исходит от совсем незнакомых коллег.

«...бывают случаи, когда подходят с другой кафедры, я даже их не знаю. Ну вот просто подходят и говорят: «Здравствуйте, я ваш коллега с такой-то кафедры», ну и просит поставить оценку» (женщина, 36 лет, доцент, стаж 12 лет)

Если рассмотреть эти взаимодействия чуть внимательнее, легко заметить в этой ситуации наличие асимметрии информации. В общем, мотивы стороны, выполняющей просьбу об оценках вполне понятны: с одной стороны, отзывчивость и желание помочь, а с другой – нежелание портить отношения с коллегами. Здесь можно говорить и о рациональном содержании такого поведения, которое проявляется в учёте влияния корпоративной среды. Помощь другому может давать надежду на то, что эта помощь, в случае необходимости, будет оказана и тебе. И наоборот, отказ в помощи может сформировать негативный настрой и, с учётом того, как быстро распространяется информация по сетевым каналам, возможные проблемы в будущем. Асимметрия про-

является в том, что мотивировка второй стороны, т. е. агента, который выступает с просьбой, *совершенно скрыта* как от внешнего наблюдателя, так и от второго агента. И, даже если подобные просьбы поступают от проверенных и надёжных людей, никто не может гарантировать искренность тех намерений, которые они формулируют. В процессе сбора материала нам стало известно о ряде случаев, в которых эти намерения были маскировкой обычной коррупционной сделки.

Вот почему мы говорим о том, что формирующаяся в результате таких взаимодействий среда создаёт благоприятные условия для коррупции. В действительности, именно такой вид коррупционных взаимодействий, маскирующийся под родственное или дружеское участие – самый эффективный с точки зрения минимизации риска и издержек от самой сделки. По нашему мнению, распространённость практики выставления оценок по знакомству является одним из тех самых факторов, которые способствуют встраиванию коррупции в пространство повседневных контактов внутри вуза.

Таким образом, на втором уровне складывается система рациональных ожиданий, когда связи и отношения, которые сложились на 1-м уровне, используются для решения рабочих проблем, таких, например, как выставление оценок по знакомству. Вопрос о коррупционном содержании отношений этого уровня мы уже выяснили – здесь речь идёт не столько о коррупции, сколько об открывающихся возможностях для коррупции. Но, безусловно, на этом уровне имеют место все виды сетевых обменов, которые известны современным исследователям: блат, реципрокность, обмен дарами и пр. Здесь мы вскользь затронули пример только с одним из видов этих взаимодействий, но очевидно, что их намного больше и каждый заслуживает более пристального внимания и ждёт своего исследователя.

Третий уровень: использование личных связей с целью получения дохода.

Следует ещё раз отметить, что одним из признаков, определяющих условное деление неформального пространства на уровни, является интенсивность их рационального содержания. Под рациональностью мы будем здесь иметь в виду классическое для экономической теории представление о максимизации полезности тех связей, в которые вступает индивид. На первом уровне, как мы упоминали, его совсем нет, на втором оно проявляется в виде взаимных ожиданий, неформальной готовности к оказанию услуги. На третьем уровне рациональная составляющая отношений будет максимальной.

Третий уровень развития неформальных отношений связан с оказанием собственно коррупционных услуг в том смысле, когда под коррупцией понимают «предоставление услуг служащими в обмен на взятку» [10]. Здесь мы сознательно не затрагиваем остро дискуссионную проблему определения границ коррупции, поскольку это совершенно самостоятельная тема, которая обсуждалась нами в других работах [11]. Мы полагаем, что здесь, в отличие от той коррупции, которая может присутствовать в скрытом виде уже на 2-м уровне, неформальные отношения *специально устанавливаются* для получе-

ния дохода от бытового взяточничества. И это является главной отличительной характеристикой этого типа отношений. Все исследования коррупции, в том числе и уже упоминаемая здесь модель «принципал-агент», рассматривают коррупционную сделку как работу целой структуры, состоящей из клиента-заказчика, исполнителя услуги и цепочки посредников.

Однако ряд исследователей считает, что наряду с взяточничеством через посредников, распространены также контакты напрямую, когда студент и преподаватель договариваются без участия третьих лиц. Данные наших исследований показывают, что такой вид сделки гораздо менее распространён. Но даже эти контакты нельзя назвать в полном смысле прямыми. Они почти никогда не осуществляются без предварительной подготовки, в которой так или иначе задействованы личные связи. Как правило, предварительно собирается информация, выясняется к кому из преподавателей можно подойти, к кому нет и т. д. Рассмотрим вопросы анкеты, посвящённые этим сюжетам.

Студентам мы задавали вопрос о том, знают ли они лично тех людей, которые давали взятки преподавателям. Предпосылка вопроса основана на том ожидании, что в ответе будет учтён весь опыт участия респондента в коррупционных сделках: ответ «да» в данном случае будет содержать информацию и о тех людях, которые давали взятку, и о самом информанте, если ему приходилось это делать.

Таблица 1

Количество студентов, непосредственно сталкивающихся с взяточничеством в вузе

Знаете ли Вы лично тех людей, которые давали взятки преподавателям?	Количество ответов	% от ответов
Да, знаю	107	63
Нет, не знаю	59	35
Нет ответа на вопрос	4	2
Всего (чел.)	170	100

Таблица 2

Способы установления коррупционных контактов студентами

Если «да», то знаете ли вы, как они это делали?	Количество ответов	% от ответов
Проявляли инициативу сами	28	16,5
Искали посредников	46	27
Преподаватель сам ставил условия	14	8,2
Не знаю	76	43,7
Другое	1	1,7
Нет ответа на вопрос	5	2,9
Всего (чел.)	170	100

Анализ ответов на этот вопрос показывает два любопытных момента. Первое – это большое количество ответивших «не знаю», несмотря на то, что вопрос был адресован только тем респондентам, которые дали утвердительный ответ на предыдущий. Это может быть проинтерпретировано как демонстративное незнание, как ситуация, когда респондента просят не отвечать, но он отвечает потому, что считает необходимым показать своё незнание. Вопрос – почему он считает это необходимым? Чтобы, воспользовавшись случаем, дать социально желательный ответ? Или чтобы что-то скрыть за таким демонстративным незнанием? Второй момент касается как раз содержательной части вопроса. Из ответов видно, что как минимум половина студентов, которые сталкивались с необходимостью дать взятку, делали это через привлечение сетевого ресурса.

Наши исследования также показывают, что среди всех, известных на сегодняшний день способов нечестной учёбы, взятка занимает второе место по популярности после традиционных безобидных шпаргалок и списывания. Правда, справедливости ради, следует сказать, что если списывание и шпаргалки являются практически неотъемлемым атрибутом учёбы практически для всех студентов (94 % студентов отметили этот вариант), то взятка (в виде денег и подарков) по сравнению с этим распространена гораздо меньше: этот ответ отметили 31 % респондентов.

Здесь нет возможности отдельно рассмотреть особенности взаимодействия агентов на этом уровне. Эти сюжеты мы описывали в своих предыдущих работах [12], но в контексте изложенной выше 3-х уровневой модели мы можем объяснить работу этих структур как *продолжение неформальных отношений на рыночной основе*, в которые включаются связи, уже сложившиеся на 1-м и 2-м уровнях. Это значит, что взяточничество не существует как отдельный феномен, оно получает свою легитимность и оправданность на фоне целого спектра практик, к которым, например, относится уже упоминаемое правило выставления оценок по знакомству и которые считаются не только допустимыми, но совершенно естественными.

В **заключение** мы ещё раз хотим выделить главную мысль, которую пытались провести в этой работе: распространённость неформальных отношений, которые мы отнесли к 2-му уровню, выступает фактором, способствующим формированию коррупциогенной институциональной среды в вузе. В общем, этот тезис нельзя считать новым. О связи коррупции и неформальных институтов уже не раз высказывались исследователи [13:4], но мы попытались показать, что, во-первых, не все неформальные практики способствуют эскалации коррупции, а во-вторых, выяснить как именно, за счёт каких механизмов происходит эта поддержка. Важно также сказать, что мы не хотим абсолютизировать этот фактор. Он играет большую роль, но должен учитываться наряду с другими, о которых часто упоминают исследователи: низкие зарплаты, массовый спрос на высшее образование, низкий уровень подготовки абитуриентов, и т. д. Всё это имеет значение в комплексе, но в этой работе

мы обратили внимание именно на те сюжеты, которые реже всего попадают в поле внимания исследователей.

Библиографические ссылки

1. *Тумаев К. Д.* Повседневность вуза: коррупция или реальная экономика? www.new.hse.ru/sites/lier2/default.aspx.
2. *Hallack J., Poisson M.* Corrupt schools, corrupt universities: What can be done? / J. Hallack, M. Poisson; International Institute for Education Planning. Paris, 2007.
3. *Высшее образование в России: правила и реальность* / А. С. Заборовская и др. М., 2004.
4. *Галицкий Е. Б., Левин М. И.* Коррупция в системе образования // Экономический вестник переходной экономики. 2004. № 2.
5. *Коррупция в системе образования* // Информационный бюллетень М., 2004.
6. *Антикоррупционная политика: Учебное пособие* / Под ред. Г. А. Сатарова. М., 2004.
7. *Shleifer A., Vishny R.* Corruption / A/ Shleifer, R. Vishny // The Quarterly Journal of Economics. 1993. V.108.
8. *Yang R.* Corruption in China's higher education: a malignant tumor / R. Yang // International Higher Education. 2005. No. 39 (Spring) — Boston: Boston College Center for International Higher Education, 2005.
9. *Барсукова С. Ю.* Разговор про «тень», не наводя тень на плетень. Рецензия на книгу: Ю. В. Латов, С. Н. Ковалёв «Теневая экономика: Учебное пособие для вузов (М., 2006)» // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1.
10. *Шмаков А. В.* Коррупция в образовательных учреждениях // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4.
11. *Леонтьева Э. О.* Коррупция в вузе как продолжение неформальных отношений на рыночной основе: виды, формы, разнообразие // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России / Под ред. Л. Е. Бляхера. Хабаровск, 2007. Вып. 3.
12. *Леонтьева Э. О.* Образование с изнанки: опыт пилотажного исследования теневых отношений в вузе // Социологические исследования. 2004. № 12.
13. *Сатаров Г. А.* Коррупция и переходная экономика // Transition. Экономический вестник переходной экономики. 2004. № 2.